

С Лу Синъяном играть в «кошки-мышки» было гарантией того, что рано или поздно сам застрянешь в мышеловке. Вот и сейчас — Цзян Цзи словил такой фейерверк образов, что едва не захлебнулся.

Лу Синъянь заливался речами, поднял голову — а Цзян Цзи уже развернулся и пошёл прочь.

— Гэ-э-э, Гэ! Я что-то не то сказал? — Лу Синъянь кинулся за ним, тараторил, как заведённый.

Столько «Гэ» за три секунды — правда, не человек, а какой-то куриный божок. Цзян Цзи мысленно представил, как отправляет его в «Макдак», жарит до хрустящей корочки и запивает колой.

Он и правда проголодался. Спустился на кухню — пора что-то перехватить, прежде чем эта «отставная наложница» снова полезет с жалобами.

Макдак... Криспи Чикен... Нет, Лу Синъянь уже втащился следом и выдал, сияя, будто лампочка:

— Гэ, давай я тебе что-нибудь приготовлю!

Цзян Цзи прекрасно знал, чего стоил этот «повар». Если сам он мог выдать крепкие шесть баллов по стобальной шкале (жарить яйца с помидорами и тушить огурцы с мясом — норм), то Синъянь хвастался разве что тем, что не забывал хлеб в тостере и не всегда сжигал яичницу. В лучшем случае — два балла.

— Забудь. Закажем доставку, — сказал Цзян Цзи.

Он вернулся в гостиную и устроился на огромном диване, который спокойно мог заменить кровать. Естественно, Лу Синъянь не нашёл себе места и прилип рядом, телефон даже не достал — пялился в экран Цзян Цзи, высматривая, что тот выберет.

— Ты что закажешь? — тут же всосался он.

— Макдак, — спокойно бросил Цзян Цзи и ткнул в «Криспи Чикен».

— И мне то же самое! — оживился Лу Синъянь. — Что ты ешь — то и я ем!

— Я хочу съесть одного красивого петуха, — отрезал Цзян Цзи.

— Чего? Это новая позиция в меню? — Лу Синъянь даже брови вскинул.

Цзян Цзи в молчаливом шоке закатил глаза. Вот ведь зараза — сам такой, ещё и других тянет в этот цирк. Походу, его собственный мозг уже начал заражаться вирусом «тупых шуток» Лу Синъяня.

Доставку он в итоге отменил и пошёл обратно на кухню.

Они редко оставались дома вдвоём, а уж готовить вместе — так и вовсе впервые.

Цзян Цзи открыл холодильник, выбрал продукты: огурцы, яйца, курица, карри, пара

картофелин...

— Чисти, — сунул он Лу Синъяню картошку и нож. — Только пальцы не отрежь.

— Ладно, — Лу Синъянь кивнул послушно.

Только послушание у него, как всегда, было для виду.

Он стал у мойки, устроил картофелине целый спа-сеанс, потом взял нож и начал её «обрабатывать». Раз, два, три... Через минуту от нормального картофеля остались какие-то длинные полоски — смерть мучительная и абсолютно бессмысленная.

У Цзян Цзи нервно дёрнулся глаз:

— Хватит корчить из себя дурочка.

— Ну лааадно...

Попытка «мило тупить» провалилась, наставлений он не дождался — пришлось брать вторую картофелину и чистить нормально.

Но стоило войти во вкус — мысли уплыли. Он уставился на руки Цзян Цзи.

Длинные пальцы, чёткие суставы — в холодной воде они неспешно мешали овощи, но выглядело это так, будто он кого-то дразнил, едва касаясь. Лу Синъянь почувствовал, как у него загорелись щёки. Словно не понимая, что делает, он придвинулся ближе:

— Гэ-э-э...

— Что теперь? — Цзян Цзи вздохнул.

— Ты так и не ответил мне. — Лу Синъянь бросил нож и вцепился в рукав Цзян Цзи. Стоило подойти ближе — сразу унюхал сложный запах.

Весь день Цзян Цзи таскался по магазинам — и теперь от него тянуло не одним ароматом, а целым парфюмерным отделом.

Лу Синъянь ткнулся носом в его шею, вдохнул глубже и недовольно проворчал:

— Ты с кем встречался? Что за духи? Чего такой «ароматный»?

Запах явно был женский. С таким шлейфом к нему что, прямо на колени садились?

Лу Синъянь мрачно выдохнул:

— Отвечай давай.

Цзян Цзи холодно отрезал:

— Мама духи выбирала. Я помог — несколько флаконов понюхал.

Лу Синъянь завис:

— ...

— Хватит драму разводить, — Цзян Цзи предупредил его. — Даже если бы я с кем-то встречался — я тебе что, отчёты должен сдавать?

Лу Синъянь запнулся:

— Делай что хочешь.

Но, как и полагалось хорошему актёру, он и не думал сворачивать спектакль. Снова прилип, как жвачка:

— Гэ-э-э, ну дай ещё один шанс...

Цзян Цзи выключил кран и повернул к нему голову.

Описать словами, какая от него шла аура, было невозможно — но каждый раз, когда он смотрел прямо на Лу Синъяня, у того внутри что-то обрывалось.

На деле Цзян Цзи ничего не делал — всё это Лу Синъянь додумывал сам. От этого и бесило сильнее.

Он так и завис в своих мыслях и не сразу понял, что Цзян Цзи уже что-то сказал. Пришлось переспросить:

— Гэ-э-э, повтори?

Цзян Цзи посмотрел на него и хладнокровно выдал:

— Я сказал: ты так и просишь, чтобы тебя отшлёпали.

Лу Синъянь даже не смутился:

— Если ты правда хочешь — я не против.

Без стыда и совести. Он ещё и голову подставил, мол, давай, действуй. Цзян Цзи сунул мокрые пальцы ему под нос, зажал нос и отодвинул:

— Если не перестанешь мешать — выгоню. Ещё раз начнёшь дурака валять — точно получишь.

Лу Синъянь промолчал.

На пару простых блюд они угробили почти час.

Лу Синъянь кое-как дочистил картошку, поиздевался над сковородой — закинул туда огурцы и яйца, кое-как обжарил. Есть можно, но с натяжкой. Второе блюдо — карри с курицей и картошкой — приготовил Цзян Цзи, выглядело чуть приличнее. «Чуть» — ключевое слово.

Лу Синъянь зато сиял, как новый чайник. Вдруг вытащил две ароматические свечи, шлёпнул посреди стола и торжественно зажёл.

Цзян Цзи скосил на него взгляд:

— Это что, ужин при свечах?

— Ага! Гэ-э-э, романтика же!

Цзян Цзи даже не стал иронизировать — просто промолчал. В душе он искренне дивился: откуда у этого чудака берётся столько фантазии?

Но странная вещь: сколько бы убого ни выглядела эта еда, всё равно казалась вкуснее любой доставки. Они ели молча, но оба ели с удовольствием.

У Цзян Цзи была одна особенность — стоило ему расслабиться и остаться в хорошем настроении, как моральные тормоза тут же улетали к чертям. Сидел он спокойно — но внутри уже вертел план: а что бы ещё придумать? Вечер свободный, почему бы не развлечься...

Он перевёл взгляд на Лу Синъяня, прищурился, будто прикидывая варианты.

Лу Синъянь решил, что это значит «убирай всё». Послушно собрал тарелки, запихнул их в посудомойку, заодно сполоснул фрукты и нарезал ломтиками. Потом с гордым видом поднёс всё обратно Цзян Цзи — мол, смотри, какой я хороший.

— Гэ-э-э, ты так и не ответил мне, — Лу Синъянь посмотрел на него почти умоляюще. — Если ты ещё потянешь — сейчас родители вернуться.

— Ну и что?

— Ну если они дома — мы же не сможем... ну, украдкой...

Цзян Цзи откусил дольку, встал и пошёл наверх.

Лу Синъянь потянулся следом, как хвост. Бормотал под нос одно и то же, словно заевший магнитофон:

— Ты согласен... согласен... согласен...

— Я сначала приму душ, — отрезал Цзян Цзи. — И ты тоже.

Лу Синъянь замер. Что? Душ? Зачем? Для поцелуя? Или он имел в виду что-то ещё?

Эта мысль так напугала Лу Синъяня, что он сам не знал — убежать или радоваться. План-то у него был, но не заходить же так далеко!

Хотя... Если честно, однажды он об этом всё же думал.

Они разошлись по своим ванным. Горячая вода лилась на голову, но Лу Синъяню казалось, что вместо пара его обдаёт раскалённым воздухом. Стоило закрыть глаза — в мозгу тут же всплывал Цзян Цзи: как тот стоит под душем, как струи стекают по спине...

Никогда он этого не видел. Чистая фантазия. Но мозг рисовал всё так отчётливо, что жар под кожей только рос.

Цзян Цзи и правда был чертовски хорош собой — Лу Синъянь это знал лучше всех. Видел его голым по пояс, видел его ноги — длинные, ровные, в одних шортах. Всё в нём было безукоризненным: фигура, кожа, пропорции — хоть ставь под софиты и запускай в кино.

В ленте Лу Синъяня его одноклассники всё время выкладывали своих «опп» — телефон забит фотками всяких мальчиков с подписями «лучшее творение Ньювы», «бог красоты спустился». Лу Синъянь только усмехался.

Да куда вашим «айдолам» с их фильтрами? До Цзян Цзи им как пешком до Луны. Вот он — без макияжа, без грима — эталон в реальном времени.

Хотя Лу Синъянь даже не считал это комплиментом. Чистый факт. Он ведь объективный человек: что есть — то есть.

А сейчас это «лучшее творение Ньювы» был в душе за стеной. Лу Синъяню казалось, что вода там кипела — его самого уже распарило так, что мозги плыли.

Он кое-как домылся и встал перед выбором: натянуть нормальную одежду или накинуть одно полотенце и выйти «как есть». Победил второй вариант — с демонстрацией тела.

Так он и поплёлся к двери Цзян Цзи. Постучал.

— Заходи, — отозвался Цзян Цзи лениво, спокойно.

Лу Синъянь шагнул внутрь и машинально прикрыл дверь — секретность превыше всего.

Цзян Цзи стоял у кровати, вытирал волосы, увидел его и чуть приподнял брови:

— Ты что так «оделся»?

Если это вообще можно было назвать «одеться» — одна махровая тряпка, обмотанная на бёдрах.

Лу Синъянь соорудил невинное лицо:

— Ну ты же сказал... душ принять...

Цзян Цзи вытер руки о полотенце и снова вскинул брови:

— Я имел в виду — после готовки от тебя пахло маслом. Я этот запах не люблю.

Лу Синъянь завис. Вот так облом.

— Так бы сразу и сказал, — пробурчал он под нос.

Он застыл у порога — ни войти нормально, ни выйти. Неловко до скрипа зубов.

Цзян Цзи отложил полотенце, лениво поманил пальцем:

— Иди сюда.

Как пса, — Лу Синъянь про себя выругался, надулся, но подошёл ближе.

— Ты что задумал? Согласен или нет? Ты издеваешься надо мной?

Кто бы говорил. Сам стоит в одном халате, с ключиц до груди всё открыто — кого тут соблазняешь?

Лу Синъянь уставился туда, где кожа была чуть красная — может, комар укусил?

Цзян Цзи перехватил его взгляд, запахнул халат потуже и сел на край кровати. Волосы ещё были влажными — капли воды стекали по шее и исчезали под воротом.

У Лу Синъяня пересохло во рту. Сердце колотилось так, будто его посадили сдавать ЕГЭ.

Цзян Цзи наконец сказал:

— Раз уж ты здесь — как думаешь, согласен я или нет?

Ну откуда он мог знать! Лу Синъянь так и не понял, что тот задумал. Шагнул ближе, и честно перешёл к сути:

— Тогда закрой глаза. Я тебя поцелую.

Цзян Цзи усмехнулся:

— С чего вдруг мне закрывать глаза?

— Я сказал — закрой! — Лу Синъянь взорвался.

Дальше он терпеть не стал. Резко толкнул Цзян Цзи на спину, сдёрнул с него полотенце, которым тот вытирал волосы, и накрыл им глаза. Повалил прямо на кровать, прижал крепко, будто знал, что делает. Второй рукой схватил Цзян Цзи за подбородок, вывернул чуть сильнее, чем надо.

Цзян Цзи только коротко охнул, а Лу Синъянь наклонился и закрыл ему рот горячим, жадным поцелуем.